

— Я расспросил Нодзаки о его работах и, представляешь, оказалось, что он рисует под псевдонимом Юмэно Сакико!

Ситори Юки лежал на животе, лениво перелистывая какую-то неприметную лайт-новеллу, и вполголоса делился сегодняшним открытием с Коидзуми Карин.

— Да ладно?! Серьезно?! Тот самый автор «Пылкой любви»? Поверить не могу, что мы учимся в одной школе!

Карин явно упустила суть. На другом конце провода слышался шорох — похоже, пищащая от восторга девушка каталась по ковру, обнимая подушку.

— Это просто в голове не укладывается. Только представь: амбал под два метра ростом прячется за маской милой художницы, — флегматично отозвался Юки, сознательно проигнорировав возню на заднем плане.

— Ой, всё, молчи! Не говори больше ни слова, а то я застряну на этом образе, и развидеть уже не получится!

Карин быстро дотянулась до забитого до отказа книжного стеллажа, выудила оттуда увесистый выпуск прошлomesячного журнала сёдзё-манги и принялась лихорадочно перелистывать страницы, пока не наткнулась на нужную главу.

— Вот оно как... Я с этим Нодзаки еще не знакома, но человек, способный так тонко чувствовать девичьи сердца, просто обязан быть невероятно интересным.

— Ну... как тебе сказать. Он скорее... со странностями. Мыслит весьма специфически. В общем, Карин, твой идеализированный образ разобьется о суровую реальность в первые же секунды встречи, — мягко попытался Юки уберечь подругу от разочарования, подбирая деликатные слова.

— И всё равно мне жутко любопытно! Обязательно позови меня, когда клуб соберётся в следующий раз. Безумно хочу автограф Юмэно-сенсея, хе-хе.

— Спрошу у него на следующей неделе. Нодзаки парень простой, вряд ли откажет.

— Рада, что ты так быстро сошелся с ним. А то я извелась вся, думала, как ты там один останешься в клубе после того, как Касивадзаки-сенпай выпустится.

— Впереди еще целых три года, кто-нибудь да придет, — отозвался Юки, хотя на душе у него

внезапно заскребли кошки.

При воспоминании о злосчастном рейтинге «Цветов Тэйкоку» во рту стало горько. Честно говоря, выживание клуба беспокоило его куда меньше, чем перспектива нашествия неадекватных фанатов, прослышавших о его «тителе» и пожелавших вступить в Клуб исследования манги ради сомнительного знакомства.

— Да и вообще, мне ли за тебя не переживать? Как тебе в клубе американского футбола? Никто не обижает? Если кто-то распускает руки или позволяет себе лишнего — сразу говори мне. И не вздумай терпеть это в одиночку.

— Ну что ты, совсем нет! Ребята очень дружелюбные, во всем помогают. Да и к тренировкам я приноровилась на удивление быстро. Поначалу, конечно, дыхалка отказывала, но сейчас втянулась, привыкла.

Вслушиваясь в доносящийся из динамика голос сквозь легкие помехи связи, Юки пытался уловить малейшие нотки фальши. Убедившись, что Карин действительно не кривит душой и чувствует себя комфортно, он наконец облегченно выдохнул.

— Зато это отличный шанс, — загадочно протянула она.

— Шанс для чего?

— Расспросить его о кухне профессиональной индустрии, о сериализации. Юки, ты ведь до сих пор держишь свои соцсети закрытыми? Не думал снова их открыть?

Он замер. Он машинально замял пальцами уголок страницы, а буквы перед глазами окончательно слились в нечитаемую кашу.

— Рано об этом говорить... — тихо обронил он.

— Ой, прости! Я ни в коем случае не давя на тебя, правда-правда!

— Всё хорошо, я не злюсь, — успокоил её Юки. — Просто... мне действительно нужно время. Чтобы всё взвесить.

Непростой разговор незаметно вытянул из него остатки сил. Он почувствовал, как веки налились свинцом, и сладко зевнул раз, другой.

— Глаза слипаются, Карин. Давай на сегодня закончим.

С трудом разобрав сквозь пелену подступающего сна ответное прощание, Юки нажал кнопку отбоя.

«Сериализация, значит...»

С тихим вздохом он погрузился в глубокий сон.

Впрочем, мимолетная тревога быстро растаяла под первыми лучами безжалостного летнего солнца.

Наступила жара. Оглушительный стрекот цикад и тяжелый, влажный воздух мгновенно вытеснили из голов подростков все метафизические страдания, заменив их куда более осязаемой проблемой — надвигающейся сессией. Давление экзаменационной недели ощущалось физически. При плохом раскладе о беззаботных каникулах можно было забыть: заваливших ждал ад из бесконечных пересдач и дополнительных занятий.

К счастью, Ситори Юки за свои оценки никогда не переживал. Голова у него варилась отлично, да и к учебе он относился добросовестно, так что школьные тесты никогда не казались ему непреодолимым препятствием.

План на ближайшее будущее выглядел просто: пережить зачетную неделю и с головой окунуться в долгожданное лето.

По крайней мере, именно с такими воодушевляющими мыслями Юки проснулся сегодня утром.

— Помогите! Спасите кто-нибудь!

Юки стоял совершенно голый на самом краю ванны, отчаянно балансируя на цыпочках. Уткнувшись лицом в узкую щель высоко расположенного вентиляционного окошка, он истошно кричал на улицу.

— Люди! Есть тут кто-нибудь?! Помогите!

В затуманенной паром ванной комнате царил глухое одиночество.

Вся одежда бедолаги безмятежно крутилась в барабане стиральной машины за пределами этого кафельного плена, издавая мерный гул. Единственным его спасением оставалось банное полотенце, в которое он кутался, стараясь не растерять последнее тепло.

Логичный вопрос: почему бы просто не открыть дверь и не выйти?

Да потому, что эта чертова дверь заклинила намертво!

Минут десять назад, закончив мыться, Юки потянул за ручку раздвижной двери и обнаружил, что та не поддается ни на миллиметр. Сначала пришло недоумение, затем — методичные, но тщетные попытки сдвинуть полотно, сменившиеся обреченным молчанием. В конце концов, применив всю свою силу, он сумел отжать дверь лишь на жалкую пару сантиметров — в эту щель едва пролезала ладонь.

Но почему?! Направляющий рельс забился грязью?

Не желая сдаваться, Юки пустил в ход все подручные средства: смазывал пазы мылом, заливал жидким порошком — без толку. Первым делом он хотел набрать службу спасения или хотя бы знакомых, но тут его прошиб холодный пот: мобильник остался мирно заряжаться на кухонной тумбе.

Вместе с накатившей слабостью парня обдало ледяным дыханием паники. До него наконец дошел весь трагизм ситуации.

«Дело дрянь. Кажется, я застрял».

Суровая реальность была под дых: он заперт в четырех стенах, где из полезных вещей были только гели для душа, а из одежды — одно несчастное полотенце. Ни единого мало-мальски пригодного инструмента, чтобы скovyрнуть замок или поддеть рельс.

Оставался единственный путь к спасению — маленькое вентиляционное окошко под самым потолком, выходящее во внутренний двор.

Эффективность такого метода, разумеется, стремилась к нулю. На дворе стоял разгар шумного дня. Одинокiй человеческий голос просто тонул в шелесте листвы, гуле проезжающих неподалеку машин и прочем городском шуме.

Живи он в многоквартирном доме, крики давно бы переполошили соседей сверху или снизу. Но Юки жил в обособленном частном коттедже, так что уповать приходилось исключительно на случайных прохожих или бдительность жильцов соседних домов.

И здесь на сцену выходил самый главный, самый сокрушительный минус его независимой жизни — одиночество.

В обычной семье в подобных казусах нет ничего смертельного: достаточно дождаться вечера, когда кто-нибудь вернется с работы и откроет защелку снаружи. Но родители Юки сейчас находились за границей, и прелести полной самостоятельности внезапно обернулись

кошмаром.

«Так, вдох-выдох. Если повезет, дождусь глубокой ночи. В мертвой тишине крики разлетятся далеко, и я точно перебуду всю округу», — рассудил он, когда горло окончательно пересохло. Наоравшись всласть, он спустился на землю и попытался мыслить конструктивно.

«А если не повезет... придется куковать тут до понедельника. Утром я не приду в школу. Точнее, даже не так: скорее всего, Карин забудет тревогу только после уроков и прибежит проверять, куда я пропал. И этот сценарий выглядит куда более реалистичным».

От этой мысли у Юки подкосились ноги.

Одно дело просидеть в кафельной коробке до полуночи, и совсем другое — застрять здесь на трое суток! Без сна, без одежды и, главное, без крошки еды!

Он принялся лихорадочно потрошить шкафчик над раковиной в поисках хоть чего-то съедобного.

Моющее средство? Отпадает сразу.

Кусковое мыло? Если совсем прижмет... Нет, глупости, отравление гарантировано.

Зубная паста? Ну, если выдавливать по чуть-чуть, наверное, протянуть можно?

Картонные коробки от флаконов? Все-таки целлюлоза. Может, если жевать бумагу, желудок не так сильно будет сводить от голода?..

Бред. Чистой воды бред отчаяния.

В довершение ко всему за тонкой стеной издевательски ревела стиральная машина, а на кухонной тумбе, словно измываясь над ним, зашелся бесконечной трелью телефон.

Внутри всё закипало от бессильной ярости.

Не выдержав психологического давления, Юки снова вскарабкался на бортик ванны, вцепился ногтями в штукатурку у окна и заорал так, что едва не сорвал связки.

Да кто-нибудь! Спасите! Вытащите меня из этого ада!

— Звук вроде отсюда... Эй, есть кто живой?

Голос с улицы прозвучал неожиданно четко, разом оборвав крики Юки.

В ванной воцарилась звенящая тишина.

Он застыл как вкопанный. Мозг лихорадочно пытался обработать две вещи: во-первых, этот голос показался ему смутно знакомым, а во-вторых — неужели у него начались слуховые галлюцинации?

Опомнившись, он пулей слетел с ванны и заколотил в дверь кулаками.

— Я здесь! Заперт! Пожалуйста, вызовите полицию или спасателей, дверь заклинило намер...

Договорить он не успел. Раздвижная створка с легким шорохом ушла в пазы, и перед ошеломленным Юки предстал Ямато Такэру в обычной домашней одежде.

— Надо же, и правда Ситори-кун, — улыбнулся Такэру, покачивая зажатой в руке шваброй. — А я сомневался, когда увидел табличку на калитке.

Он указал черенком на пол коридора:

— С дверью всё в порядке, чинить не придется. Просто эта швабра упала и заклинила ручку снаружи. Вот ты и не мог открыться.

— Вот оно что... — деревянным голосом выдавил Юки.

Мысли его сейчас витали очень далеко от злосчастной швабры. В голове крутилась единственная, паническая мысль: «Какое счастье, что я догадался обмотаться полотенцем! Иначе предстал бы перед ним в чем мать родила...»

— Я даже не знаю, как тебя благодарить, — он плотнее перехватил концы полотенца на груди.

Воображение тут же нарисовало жуткую картину: спустя полгода полиция вскрывает дом и находит в ванной мумифицированные останки подростка, завернутые в синюю махровую ткань. От этой фантазии по спине пробежал вполне реальный мороз.

— Но вообще... на будущее: лучше вызывай службу спасения. Вламываться в чужой дом — затея сомнительная. А если бы ты адресом ошибся? Как бы оправдывался?

— Я всё проверил, — спокойно возразил Такэру.

Его взгляд сместился на столик в гостиной, где лежал мобильный Юки.

«Неужели...»

Ситори поспешил к телефону. На разблокированном экране сияло несколько уведомлений о пропущенных вызовах. Имя звонившего не оставляло сомнений: Ямато Такэру.

— Ну и, конечно, нам повезло, что мы в Японии, — с мягкой усмешкой добавил Такэру, проигнорировав замешательство хозяина дома. — Заборы тут чисто символические, перемахнуть — пара пустяков, да и огнестрел под подушкой никто не держит. Будь мы сейчас в США, я бы точно не рискнул лезть напролом.

<http://bllate.org/book/20459/2132227>